

АЛЬФОНСЪ КАРРЪ.

ЧТО ТАКОЕ ВЪЖЛИВОСТЬ?

Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ, проведя нѣсколько часовъ — не знаю зачѣмъ и какъ — въ сосѣднемъ городѣ, я возвращался около полуночи домой, признаваясь самому себѣ, что въ продолженіе всего вечера говорили много, но ничего не сказали, что я напрасно измѣнилъ своимъ привычкамъ, что я ужасно скучалъ, и общаясь впредь обдуманнѣе поизидать свое уединеніе. Я растворилъ садовую калитку и, пройдя подъ высокими деревьями, былъ охваченъ нѣжнымъ ароматомъ жимолости. Мѣсяцъ озарялъ нѣжнымъ и грустнымъ свѣтомъ нѣкоторыя части сада. Я погулялъ нѣсколько времени, потомъ вошелъ въ бѣдный старый домикъ, богато убранный зеленью и цвѣтами. Мнѣ не спалось и пришла въ голову мысль, которую я тотчасъ-же привелъ въ исполненіе: я написалъ въ умѣ пригласительное письмо слѣдующаго содержанія:

„Г. А. К. проситъ васъ сдѣлать ему несказанную честь, пожаловавъ къ нему побесѣдовать на нѣсколько часовъ сегодня вечеромъ“.

И я разослалъ эти письма:

Г. Франеуа Раблѣ, приходскому священнику, въ Мёдонѣ.

Г. Мишелю де-Монтаню.

Г-жѣ маркизѣ де-Ламберъ.

Лорду Честерфильду.

Г. Люку де-Клапье, маркизу Вовнаргу.

Г. Влезу Паскалю.

Г. герцогу де-ла-Рошфукд.

Г. Жанъ-Жаку Руссо, женеvскому гражданину.

Г-жѣ Дюбрѣ де-Сентъ-Обенъ, маркизѣ де Сильри графинѣ де-Жанлисѣ.

Георгу Вильэреу, герцогу Букингэму.

Александрю Попе.

Иоганну-Вольфгангу Гёте.

Г. Шарлю Дюклд.

Г. Жозефу Жуберу.

Юлію Цесарю,

и многимъ другимъ, потому-что я хотѣлъ дать большой вечеръ, и не безъ причины выбралъ лица эти между множествомъ моихъ друзей. Мнѣ хотѣлось, чтобы разговоръ шель о спеціальному предметѣ, и я созвалъ людей, которые въ особенности могли разъяснить этотъ вопросъ.

Въ часъ по полуночи, я сидѣлъ въ своей гостиной; окна были отворены въ садъ, освѣщенный луною, напоенный благоуханіемъ жимолости и глицинь, окружающихъ мой домъ. Кромѣ любимаго птицами маленькаго ручейка, бѣгущаго змѣйкой подъ травой и впадающаго въ море, на которомъ водяныя лиліи разстилаютъ широкіе листья — не было слышно никакого другого шума.

Всѣ приглашенные явились аккуратно, кромѣ Іоганна Вольфганга Гёте, котораго я безразсудно одолжилъ назадъ тому съ недѣлю.

Они явились ни въ каретѣ, какъ богачи, ни пѣшкомъ какъ бѣдные, ни на драконахъ, какъ сказочные геніи, ни на метлахъ, какъ вѣдьмы. Я принесъ ихъ въ рукахъ, и разставилъ на столѣ, передъ окномъ. Намъ было свѣтло при двухъ свѣчахъ. И я подумалъ, что каждый можетъ принимать у себя, въ халатѣ, когда ему вздумается, величайшіе умы всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ, что они приходятъ, не заставляя упрасивать себя, остаются сколько хочешь, уходятъ, когда ты усталъ, не сердятся, и возвращаются опять.

Не надо платить имъ визитами за визитъ; для пріема имъ не надо ни роскошныхъ гостинныхъ, ни отборныхъ ужиновъ, ни мороженаго, ни шербета, ни пунша-гласе. Столикъ и свѣчка — вотъ всѣ расходы и всѣ необходимыя приготовленія.

И они всегда приходятъ въ хорошемъ расположеніи духа, всегда живы, никогда не бываютъ ни вялы, ни пасмурны; говорите о чемъ хотите, и не докучаютъ вамъ посѣщеніемъ, если вы хотите остаться одинъ.

Вмѣсто такого избраннаго, прекраснаго общества, всегда готоваго къ услугамъ, почти всѣмъ намъ нравится созывать какъ можно больше людей и въ томъ числѣ много глухихъ, ничтожныхъ, злыхъ, которыхъ надо упрасивать, которымъ надо съ точностью отдавать ихъ визиты, для которыхъ надо придумывать болѣе или менѣе разорительную роскошь, что впрочемъ не мѣшаетъ самымъ благосклоннымъ изъ этихъ людей только сойти съ лѣстницы, чтобы тутъ-же принятыя осуждать тѣхъ, которые приняли ихъ съ радушіемъ.

Если-же случайно въ этой толпѣ окажется нѣсколько человѣкъ благосмыслящихъ и съ добрымъ сердцемъ, — имъ едва удѣляютъ вниманіе, и они сами также должны раздѣлиться.

Впрочемъ, у великихъ людей бываютъ при жизни свои дурные дни, свои дни безплодія, дурнаго расположенія духа, заботъ, печали, унынія, которыя усердно доставляетъ имъ вѣчная интрига мелкихъ умовъ.

Вотъ и собрались мои гости; никто не спорить о мѣстѣ, не обнаруживаетъ неудовольствія, каждый говоритъ въ свою очередь. Но послушайте... Посреди молчанія раздаются три полныя, дрожація ноты: это соловей запѣваетъ свой ночной гимнъ; никто не завидуетъ соловью, какъ позавидовали-бы въ гостиной виртуозу, овладѣвшему вниманіемъ.

Ничто не мѣшаетъ мнѣ поставить на этотъ столъ кружку пива и положить трубку, — одинъ стаканъ и одну трубку на всѣхъ.

Соловей затихаетъ, слышенъ только пріятно-однообразный шумъ ручья. Мнѣ не нужно спрашивать моихъ безсмертныхъ друзей о здоровьи. Я первый смѣло начинаю говорить:

„Любезные друзья, я созвалъ васъ сегодня вечеромъ, не изъ смутнаго желанія поговорить съ вами, не изъ потребности, которую изрѣдка чувствую, отдохнуть отъ пустой болтовни иныхъ живыхъ, но чтобы попросить васъ разъяснить пунктъ, который тревожитъ меня. Вотъ уже нѣсколько времени меня странно поражаетъ развитіе невѣжливости во французскомъ обществѣ. Мнѣ кажется, что французы, отчасти обязанные прекраснымъ положеніемъ въ свѣтѣ, своему утонченному обращенію, опять сдѣлаются дикарями: они уже огрубѣли. Меня поражаетъ ущербъ, какой наноситъ всѣмъ отношеніямъ это отсутствіе вѣжливости; учтивость — вещь гораздо серьезнѣе, нежели вообще думаютъ о ней, и мнѣ хотѣлось-бы узнать ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ“.

Ла-Брюйеръ — „По моему мнѣнію, вѣжливость заключается въ томъ, чтобы за наши слова и поступки, другіе были довольны и нами и сами собою... Учтивость не всегда внушается добротою, правдивостію, расположеніемъ, признательностію, но крайней мѣрѣ носитъ ихъ признаки и показываетъ человѣка такимъ наружно, какимъ ему-бы слѣдовало быть внутренно... Конечно, учтивое обхожденіе придаетъ еще большую цѣну заслугамъ, дѣлаетъ ихъ пріятными, и надо имѣть очень высокія качества, чтобы удержаться безъ него“.

Ла-Рошфуко. — Перестаньте! „Мы учтивы изъ желанія, чтобы намъ платили тѣмъ-же и считали-бы насъ благовоспитанными“.

Лордъ Честерфильдъ. — Какъ? Неужели до этого дошли французы? А я еще писалъ: „Сколько недостатковъ часто прикрываетъ веселая и развязная вѣжливость французовъ! У многихъ изъ нихъ нѣтъ здраваго смысла, еще болѣе между ними такихъ, которые не знаютъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, но, вообще, они такъ хорошо прикрываютъ эти недостатки своими манерами, что недостатки эти почти всегда проходятъ незамѣченными. Я нѣсколько разъ говорилъ, и дѣйствительно думаю, что французъ, соединившій съ добрыми свойствами души, образованіемъ и здравымъ смысломъ свойственныя его странѣ пріемы и учтивость — достигъ совершенства. Безъ вѣжливости всѣ ваши прекрасныя качества, таланты, не послужатъ ни къ чему. Вѣжливость есть результатъ большаго запаса здраваго смысла, и извѣстной порціи врожденной доброты и маленькаго пожертвованія собою изъ любви къ другому, имѣющее въ виду получить въ отплату такую-же снисходительность“.

Жанъ-Жакъ Руссо. „Все это притворство! Учтивость ваша скорѣе похожа на порокъ, нежели на добродѣтель; если у васъ дурное сердце, вамъ остается только одно средство быть полезнымъ для другихъ: показать это сердце, чтобы они могли васъ остерегаться“.

Маркиза де-Ламберъ. „Учтивость есть одна изъ величайшихъ связей общества, потому-что она наиболѣе способствуетъ поддержанію мира; она приготовляетъ

къ милосердію и похожа на смиреніе. Учтивость есть искусство пріятно соглашать то, что мы должны другимъ, съ тѣмъ, что мы должны самимъ себѣ“.

Жозефъ Жувьеръ. „Учтивость прикрываетъ шероховатости нашего характера, такъ, чтобы онѣ не кололи другихъ“.

„Учтивость есть то-же для доброты, что слова для мысли“.

Монтань. „Я былъ довольно тщательно воспитанъ въ дѣтствѣ и жилъ въ такомъ хорошемъ обществѣ, что не могу не знать законовъ нашей французской любезности. Я охотно слѣдую имъ, но не такъ слѣпо, чтобы они стѣсняли мою жизнь. Я часто видѣлъ, что люди дѣлались невѣжливыми отъ излишка вѣжливости, и нестерпимыми отъ своей любезности. Впрочемъ, наука о томъ, какъ должно вести себя въ обществѣ — наука очень полезная. Она — подобно граціи и красотѣ — примиряетъ съ первыми преградами общества“.

Юлій Цезарь. „Могу сказать съ увѣренностью, что въ войнахъ своихъ, сколько-нибудь затруднительныхъ, я былъ обязанъ большею частію успѣха второстепеннымъ добродѣтелямъ — *leviores virtutes* — каковы учтивость, снисходительность и желаніе нравиться людямъ“.

Г-жа Жанлисъ. „Вѣжливость не пустая вещь; она, во всё вѣка, способствовала славѣ народовъ, доводящихъ ее до совершенства. Аѳинская учтивость, по прошествіи множества столѣтій, еще кажется намъ славнымъ титуломъ, и *антицизмъ* останется навсегда лестнымъ эпитетомъ въ похвальномъ словѣ“.

Дюкло. „Учтивость есть выраженіе подражанія общественнымъ добродѣтелямъ: общественныя добродѣтели суть тѣ, которыя дѣлаютъ насъ полезными и пріятными для тѣхъ, съ кѣмъ намъ должно жить. Человѣкъ, соединившій въ себѣ всё ихъ вполнѣ, былъ-бы учтивымъ въ высшей степени“.

Шанфоръ. „Перечитывая записки вѣка Людовика XIV, находишь, даже въ низшемъ обществѣ того времени, что-то такое, чего недостаетъ лучшему нынѣшнему французскому обществу“.

Паскаль. „Люди ненавидятъ одинъ другого; для общественнаго употребленія и для возможности самого общества надо было выдумать какой-нибудь родъ милосердія: онъ-то называется учтивостью“.

Вольтеръ. „Учтивость есть то-же для ума, что прелесть для лица: нѣжное изображеніе сердечной доброты“.

Г*** (написавшій не знаю гдѣ и когда *Руководство къ вѣжливости*. Эта книжонка, не знаю какъ, очутилась на столѣ между прочими).

„Примѣры вѣжливости: *господинъ* является со шляпой въ рукѣ, и подходя къ особѣ, кланяется ей граціозно и съ почтеніемъ. Какъ только онъ замѣчаетъ, что ему хотять предложить стулъ, онъ спѣшитъ самъ взять этотъ стулъ, ставитъ его возлѣ дверей, у входа, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ особы, и садится не прежде, какъ она уже сѣла“...

Равле. „Любезный другъ, я рѣшительно не понимаю этой безтолковщины; по моему, это языкъ антиподовъ; тутъ какъ разъ сломишь себѣ ногу“.

Г***. *продолжаетъ*: „И держать шляпу на колѣняхъ, въ приличной позѣ. Положить въ сторону шляпу и трость, прежде, нежели предложить сдѣлать это *особа*, было-бы неприличіемъ; не мѣшаетъ также заставить упрашивать себя, и уступить только при второмъ или третьемъ приглашеніи. Шляпа ставится внизу консоля. Многіе порядочные люди ставятъ ее просто на полъ, но впрочемъ, этого не должна терпѣть хозяйка“...

Я.— Ну, скажите-ко намъ что-нибудь, маркизъ де-Вовнаргъ.

Вовнаргъ. — „Люди, отъ природы враги одни другимъ, придумали приличія, чтобы оправдывать свои непрерывныя войны. Если-бы люди не лестили одни другимъ, то не было-бы общества“.

Попе. — „Добродѣтель людей грубыхъ и необразованныхъ есть драгоценный камень, который, въ дурной оправѣ, теряетъ часть своего блеска“.

Дидро. — „У меня былъ знакомый, который зналъ все, исключая одной вещи— поздороваться и поклониться. Человѣкъ этотъ жилъ въ бѣдности и пренебреженіи“.

Букингэмъ. — „Если я достигъ до вершины почестей, — въ такихъ вещахъ мы признаемся только смерти — „то достигъ этого не столько своими заслугами, какъ въжливимъ и пріятнымъ обхожденіемъ“.

Г*** — „Должно не рѣзать, но ломать хлѣбъ. Когда вы скушаете яйцо, сваренное въ смятку, то должны разбить скорлупу. Вы“...

Я взялъ Г*** и бросилъ подъ столъ.

Соловей опять запѣлъ, и потомъ все снова замолкло. Вечеръ кончился; не было ни шума экипажей, ни суматохи при разборѣ шляпъ и шинелей. Мои гости, въ домикахъ изъ сафьяну и пергамену, удалились въ уголь. Я припоминалъ двѣ половины своего вечера, и былъ очень доволенъ послѣднею половиною.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если мертвые составляютъ пріятное и поучительное общество для пустытника или философа, то во многихъ другихъ важнѣйшихъ положеніяхъ они могли-бы принести огромную пользу.

Монтескьё, Руссо и историки даютъ прекрасные совѣты, потому-что эти люди не вводятся въ обманъ и не увлекаются своими страстями, честолюбіемъ, личными выгодами. Размысленія мои начали увлекать меня далеко; мысль моя помутилась и дѣлалась похожею на грезы, такъ-что я вскорѣ заснулъ. Я проснулся при пѣсняхъ травника, какъ заснулъ при звукахъ соловья, и, отправясь съ утреннимъ визитомъ въ свой садъ, взглянуть, не жаждетъ-ли какое-нибудь растеніе и не распустился-ли какой новый цвѣтокъ при первыхъ лучахъ дня, — я размышлялъ о вчерашнемъ разговорѣ. Я справился о томъ, что хотѣлъ знать; впечатлѣнія не обманули меня: учтивость не ребячество, не пустая вещь.

Послѣ законовъ для безопасности, надо было придумать въжливость для пріят-

ности жизни. Учивость дѣлится на двѣ части: одна изъ нихъ заключается вся въ нѣсколькихъ словахъ: „Не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ. — Дѣлай другому то, чего себѣ хочешь. Спрашивай у разсудка, чего должно избѣгать, у сердца — что слѣдуетъ дѣлать.

Другая часть не такъ важна. Люди праздные и воспитанные, особенно люди, признавшіе исключительно себя хорошимъ обществомъ, захотѣли узнавать другъ друга по нѣкоторымъ знакамъ, выдумали извѣстные приемы, извѣстное нарѣчіе. Въ крайности, можно и не знать этихъ вещей, однакожь знать ихъ гораздо выгоднѣе. Конечно, можно побиться объ закладъ, что инныя вещи, принятія всѣми, сами по себѣ — глупы; но пренебрегать нѣкоторыми утвердившимися обычаями, значило-бы открыто объявить, что я умнѣе другихъ, то-есть бесполезно вооружить противъ себя нерасположеніе. Если странно подчиняться рѣшительно всѣмъ обычаямъ, то смѣшно не покоряться ни одному.

Но есть обычаи, противъ которыхъ не мѣшаетъ возставать. *Такъ заведено* — что-бы ни говорили — не всегда непрекословный отвѣтъ. Въ пустыхъ вещахъ, лучше подчиняться обычаю, нежели обдумывать ихъ, оспаривать, опровергать; но въ вещахъ важныхъ должно удерживать за собою право разбора и не сдаваться, часто не допускающему возраженія въ мірѣ, приговору: *такъ заведено*.

Спросите у дикаря, для чего онъ ѣсть своихъ непріятелей, и онъ отвѣтитъ вамъ: „таковъ у насъ обычай“.

Безъ учтивости, люди сходились-бы только для драки. Значить, надо или быть учтивымъ, или жить одному.

Насъ трое за столомъ, — двое мужчинъ и дама. Подаютъ цыпленка; разумѣется, намъ всѣмъ троимъ хочется съѣсть крыло. Безъ учтивости, человекъ, разрѣзывающій цыпленка, началъ-бы съ того, что положилъ-бы себѣ на тарелку одно изъ двухъ крыльевъ; второй мужчина взялъ-бы другое. Прійди третій гость — и завязалась-бы ссора.

Но, благодаря вѣжливости, мы подаемъ одно крыло женщинѣ; каждый изъ насъ уменьшилъ вполнину свою надежду на второе крыло, но онъ вознаграждается за это сомнительное пожертвованіе тщеславною мыслию — прослыть за человека образованнаго и воспитаннаго. Я предлагаю вамъ второе крыло; вы настаиваете, чтобъ я оставилъ его себѣ. Если я послушаюсь, то единственно изъ угожденія вамъ; вы понесли маленькое лишеніе, но вы не унижены, и имѣете надо мной преимущество, заставляющее васъ простить мнѣ маленькое лишеніе, которому я причиною. Притомъ, вѣдь не я взялъ крыло, вы сами дали его, и я вамъ предлагалъ его.

Сказанное о крыльяхъ цыпленка примѣняется ко всѣмъ сношеніямъ между людьми.